

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ВОЙЦЕКУ

Пока мы годами рассуждаем, нужен или не нужен нам Центр театральных исследований, приезжают люди из итальянской глубинки и подтверждают своей работой: нужен. Десять лет существует во Флоренции Центр театральных исследований «Лабораторио нове» под руководством Барбары Нативи и Сильвано Паники.

Пройти испытание «Войцеком», своеобразнейшим драматическим сочинением, которое так и не завершил умерший в 1837 году Георг Бюхнер, — задача из разряда академических.

Барбара Нативи умеет по-настоящему читать литературные тексты и, что бывает совсем редко, умеет сочинять адекватные режиссерские тексты.

Текст итальянской постановки «Войцека» не просто оригинален, он содержит в себе некоторые новые законы чтения.

Сама фрагментарность, незавершенность пьесы воспринимается теперь как яркий художественный прием. И к тому же — весьма современный. Пьеса построена наподобие нынешних киносценариев. Пролог, где властвует исключительно язык движений и жестов, воспринимается меж тем не как пантомима и не как драмблет, а скорее как немое кино с его гипертрофированной пластикой и ускоренным ритмом.

С первых же минут и до конца мы видим панораму народной жизни, видим не место, а местность — словно с высоты птичьего полета (какой, например, ее увидели крестьяне в пьесе современного болгарского автора Я. Радичкова «Попытка полета»). Сценическая площадка аккуратно поделена здесь на добрый десяток планов-полос, отделенных один от другого пограничными линиями. Это местность карликовых германских княжеств и это местность карликового, сковывающего человека бытия. И еще это конкретное поле, конкретный лес, земля с помятой листвою, комната Марии с мерцающей лампадой и даже — на самом переднем плане — озеро с реальной, отражающей свет театральных юпитеров водой. Сценическое пространство (художник Димитри Милопулос) одновременно вообрало в себя много разных реальных пространств, что производит сильный эффект.

На протяжении спектакля действие медленно и неуклонно приближается к нам, последовательно развиваясь на очередном, всякий раз все более близком плане. И так — картина за картиной, эпизод за эпизодом, пока Войцек с Марией не окажутся на берегу озера, а мы напротив них — на другом как бы берегу.

Весь спектакль — непрерывное движение: плавное по горизонтали и стремительное, бурное по вертикали.

Мир Войцека (Сильвано Паники и Лука Камилетти), каким его представили постановщики, ясен, как слеза младенца. Так ведь и сам Войцек солдат, прислуживающий своему Капитану, будто дитя всего простого человечества.

Можно бы назвать Войцека человеком толпы, но Бюхнер вывел в нем не рядового, а выдающегося простолюдина, не плебей — плебеиссимуса. Он прозорливо угадал в нем «маленького человека», впоследствии сыгравшего важную роль в мировой, европейской и русской литературе.

Оказывается, не все мы вышли из «гоголевской шинели», кое-кто появился из «шинели» бюхнеровской.

Войцек дан автором и театром «Лабораторио нове» не как индивидуальный характер, а как вполне определенный тип человека, как социальный уникум. Он прост настолько, что подчас выглядит даже глуповатым, но так просто и глуповаты бывают герои народных сказок.

Ничего себе глуповат, когда Войцек, между прочим, говорит Капитану: «...Хорошая погода, господин капитан. Видите, небо-то какое — серое, плотное, просто красота; так и хочется вбить в него крюк да повеситься. И все только из-за маленькой разницы между «да» с одной стороны и «да» — «нет» — с другой. Господин капитан, что такое «да» и что такое «нет»? И виновато ли «да» в «нет» или же «нет» в «да»? Мне надо обо всем этом подумать...»

Устами Войцека, как видим, глаголет гамлетова истина — ни больше ни меньше. Недаром эта пьеса Бюхнера давно причислена к классике.

Капитана, с которым разговаривает Войцек, в спектакле нет, как нет и Доктора. От имени того и другого тут выступает Хор, который не менее активен и в иных своих ипостасях.

Хор множит и усиливает враждебное окружение Войцека, затравленно мечущегося среди людей, потерявшего внутреннюю опору. Измена Марии (ее играют Манола Нифози и Симона Арриги) с Тамбурмажором (Стефано Лагуни), поданная в спектакле как необыкновенный праздник плоти, как вальс плоти, завершилась тем, чем только и могла завершиться: убийством Марии на берегу озера.

Войцека прибило к этому берегу роковое те-

чение судьбы, а нас буквально приковало к нему вдохновенное внимание театра.

Приближение к Войцеку длится уже полтора столетия, образ этот в мировом театре, включая и оперу А. Берга, по сей день оказывается неисчерпаемым.

«Лабораторио нове» успешно справился с академической своей задачей, художественно просто поведав о житейски сложном.

Виктор ГУЛЬЧЕНКО.